

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

коло десяти лет назад я провел несколько дней в гостеприимном доме выдающегося бельгийского юриста, покойного профессора де Лавелье. На одной из прогулок мы вдруг заговорили о библейских заповедях. «Вы хотите сказать, что в ваших школах дети не обучаются религии?» — спросил меня досточтимый профессор. Я подтвердил это. Он вдруг остановился. «Но как же еще дети узнают о моральных ценностях, если их не обучать религии?» Я до сих пор слышу то недоумение, с которым он задал мне этот вопрос. Я был обескуражен и не нашел тогда, что ему ответить. С самого раннего детства я получал нравственное воспитание отнюдь не в школе, но лишь начав анализировать собственные представления о добре и зле, понял, что обязан ими тому, что дышал воздухом бусидо.

Кроме того, моя жена-американка часто спрашивала меня, почему у японцев такие обычаи, откуда у них такое мировоззрение. Это тоже подтолкнуло меня к написанию книги.

Пытаясь ответить жене и профессору де Лавелье, я осознал, что без понимания бусидо и эпохи феодализма, нравственные принципы современной Японии остаются тайной за семью печатями.

После затяжной болезни у меня появилась возможность вспомнить ответы, которые я давал в наших домашних беседах, и изложить их в том виде, в котором они сейчас предстанут перед читателем. Большую часть из них я узнал из разговоров

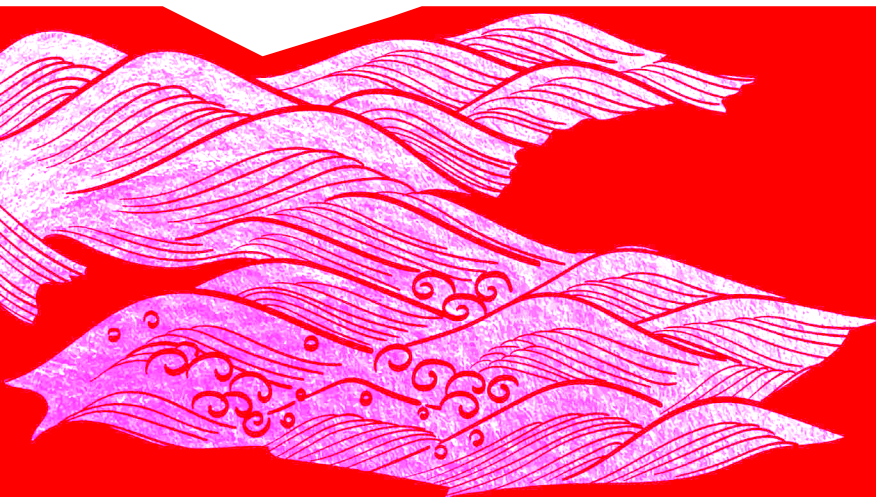
с родными еще в те времена, когда был совсем ребенком, а Япония жила в условиях феодализма.

Трудно заставить себя писать о Японии по-английски, если твоими предшественниками были мистер Лафкадио Хирн и миссис Фрейзер, сэр Эрнст Сатоу и профессор Чемберлен. Единственное мое преимущество перед ними состоит в том, что я могу занять место ответчика, тогда как эти почтенные авторы могли выступать лишь адвокатами и поверенными. Я все время ловил себя на мысли о том, что, имея их писательское дарование, я мог бы гораздо красноречивей изложить свои доводы о Японии. Но говорящий на чужом языке должен радоваться уже тому, что может выражаться вразумительно.

Чтобы помочь читателю с западным сознанием и образом мышления в понимании японских традиций, я использовал в книге самые разные примеры из европейской истории и литературы.

Некоторые мои представления о вопросах веры и духовенстве могут показаться оскорбительными, но надеюсь, что читатель не усомнится в моем отношении к христианству. Я отношусь без симпатии не к самому учению Христа, а к церковным практикам, затрудняющим его понимание.

Я верую в Христа и искренне разделяю Его заповеди, переданные в Новом Завете, а также верую в то, что Завет, именуемый Ветхим, Господь заключил со всеми народами — евреями и не евреями, христианами и язычниками. Но я постараюсь не обременять читателей своими религиозными взглядами.

ИНАДЗО НИТОВЭ,

Малверн, Филадельфия,

декабрь 1899 г.

се поправки и добавления в настоящем издании в основном сводились мною к конкретным примерам. Я по-прежнему сожалею, как сожалел всегда, что не смог добавить главу о Сыновнем Долге, который считается одним из двух колес колесницы японской этики — преданности другим. Я до сих пор не могу понять, как смотрит на это явление западная культура и люди, воспитанные в ней, и потому не могу подобрать сравнений, которые бы в полной мере смогли проиллюстрировать мои сентенции; однако сейчас я не вижу способа сделать эту книгу лучше, чем она уже получилась.

Инадзо Нитобэ родился в 1862 году, был третьим сыном известной семьи самураев в городе Мориока на севере Японии. В десять лет начал изучать английский язык. Образование получил в Саппоро в сельскохозяйственной школе, а затем в Императорском университете в Токио. Позже уехал в Соединенные Штаты Америки, где с 1884-го по 1887 год изучал политехнические дисциплины в университете Джонса Хопкинса. В 1890 году он получил докторскую степень в Университете Галле (Германия). В 1891 году Инадзо Нитобэ вернулся в Японию и опубликовал несколько книг на английском и немецком языках. С 1891-го по 1897 год преподавал в сельскохозяйственной школе Саппоро, время от времени выезжал в Калифорнию и Пенсильванию, где и написал книгу «Бусидо — душа Японии», которая была опубликована в 1900 году.

С 1903-го по 1919 год Инадзо Нитобэ был профессором в Императорском Университете Киото и возглавлял Первую Высшую школу в Токио. Сотрудничал с Лигой Наций после окончания Первой мировой войны. Руководил Институтом связей стран Тихоокеанского региона с 1929-го по 1933 год. В 1933 году в составе японской делегации Инадзо Нитобэ посетил международную конференцию в Канаде, но во время нее заболел пневмонией и скончался в госпитале Виктория.

веток рыцарского благородства — такая же исконная отличительная особенность японской земли, как и ее символ — цветок сакуры. И это вовсе не засушенный экспонат гербария добродетелей древности. Для нас он остается живым воплощением силы и красоты. И хотя цветок этот не обладает материальной формой, его аромат до сих пор питает нравственные стороны нашей жизни, напоминая нам, что мы по-прежнему находимся в плену его очарования. Старый уклад жизни, взрастивший его, давно ушел в прошлое, но как свет далеких и давно угасших звезд по-прежнему доходит до нас, так и японское рыцарство, дитя феодализма, пережив своего родителя, продолжает освещать наш нравственный путь. Возможность рассказать о нем на языке Бёрка, некогда произнесшего известную трогательную речь над могилой его позабытого европейского собрата, — для меня особая честь.

То, что такой просвещенный ученый, как доктор Джордж Миллер, без тени сомнения утверждает, что среди народов античности и стран современного Востока никогда не существовало ни собственно рыцарства, ни чего-либо ему подобного, свидетельствует о прискорбной нехватке знаний о Востоке. Ошибка эта, однако, простительна, поскольку третье издание соответствующего труда любезного доктора вышло в тот год, когда

коммодор Перри уже ломился в ворота, изолировавшие нас от мира. Более десяти лет спустя, когда японский феодализм уже содрогался в предсмертной агонии, Карл Маркс обратил внимание читателей своего «Капитала» на возможность наглядного изучения социальных и политических институтов феодализма, сохранившегося на тот момент только в Японии. Последовав его примеру, мне хотелось бы пригласить западного читателя, интересующегося историей и этикой, к изучению рыцарства, сохранившегося в современной Японии.

Подробное историческое сравнение феодализма Европы и Японии, равно как и европейского и японского рыцарства, сколь заманчивым бы оно ни казалось, не входит в задачи этой работы. Моя задача — попытаться рассказать, во-первых, об истоках японского рыцарства, во-вторых — о его характере и учении, в третьих — о его влиянии на население страны, и в четвертых — о преемственности и постоянстве этого влияния. Первый вопрос я освещу лишь вкратце, чтобы не заставлять читателя плутать по извилистым тропинкам истории нашего народа. Второй будет раскрыт полнее, поскольку он может оказаться любопытным для тех, кто интересуется этикой народов разных стран, нашими обычаями и образом мысли. Два оставшихся — затрону в самом конце книги.

Японское слово, которое я прежде приблизительно переводил как «рыцарство», пожалуй, еще более выразительно, чем английское *horsemanship*. Бу-си-до буквально означает «путь воина-рыцаря» — то есть путь, которого представитель воинской знати должен придерживаться как на поле боя, так и в повседневной жизни. Иначе говоря, это «рыцарский кодекс», *noblesse oblige* воинского сословия. Обозначив буквальное значение японского слова бусидо, в дальнейшем я буду пользоваться им. Это предпочтительно хотя бы потому, что своеобразие учения, столь неразрывно связанного с народом и влияющего на его характер и образ мыслей, должно сохраняться и в его названии. Некоторые слова имеют настолько ярко выраженный национальный колорит, что даже лучшим переводчикам не под силу передать его, не исказив смысла. Кто способен точнее выразить на родном языке то, что обозначается немецким словом *Gemuet*, и кто не чувствует разницы между такими похожими

на первый взгляд словами, как английское *gentleman* и французское *gentilhomme*?

Таким образом, бусидо — это нравственный кодекс, которого должны были придерживаться японские рыцари. Кодекс этот не имел строгой письменной формы и бытовал в лучшем случае в виде нескольких максим, передававшихся из уст в уста или записанных известным ученым или воином. Еще чаще он оставался неписанным и неизреченным, обладая при этом всей силой договора или закона, запечатленного на скрижалях сердца. Но истоком его были не размышления какого-то одного, пусть и самого прославленного, человека и не описание чьей-то жизни. Он сформировался естественным образом на протяжении многих веков военной истории. Для этики он, пожалуй, столь же значим, как английская конституция для политики, однако мы не найдем в его истории ничего подобного Великой Хартии Вольностей или акту «Хабеас Корпус». Да, в начале XVII века было написано «Уложение о военных домах», но тринадцать его коротких глав посвящены вопросам брачных церемоний, организации кланов, обустройства замков и тому подобному и почти не содержат этических наставлений. Поэтому мы не можем сказать с точностью, когда именно зародилось бусидо. С феодализмом его возникновение связывается лишь потому, что оно оформилось в феодальную эпоху. Но бусидо, как и феодализм, — кружево, сплетенное из множества нитей. Считается, что английский феодализм возник во времена Нормандского Завоевания, а японский — в эпоху восхождения сёгуна Ёритомо в конце XII века. Но как отдельные черты феодального общества уже встречались в Англии до Вильгельма Завоевателя, так и ростки японского феодализма можно обнаружить задолго до указанного периода.

С утверждением феодализма в Японии, как и в Европе, выделилось профессиональное воинское сословие. Воины эти именовались самураями. Слово самурай, так же, как и староанглийское *sniht* (рыцарь), обозначало стражей или прислужников. Сходную роль выполняли аквитанские *solduni*, о которых пишет Цезарь, *comitati*, охранявшие, согласно Тациту, вождей германских племен, или, если провести параллель с более поздним временем, *milites medii* средневековой Европы. Эти воины, которых также называли сино-японскими словами бу-ке или

бу-си (рыцари-воины), были привилегированным сословием. Основным занятием этих, по всей видимости, довольно грубых людей были битвы. В период продолжительных войн это сословие пополнялось из числа самых мужественных и безрассудных, а слабые и робкие с течением времени покидали его в силу естественного отбора. Лишь те, кто, по выражению Эмерсона, относился к «обладавшей животной силой грубой породе, мужественной до мозга костей» выживали, обзаводились семьями и вставали в ряды самураев. Люди эти обладали значительными привилегиями и почитались эталонами воинской чести. Но они принадлежали к разным кланам и всегда должны были быть готовы к войне. На их плечи легла большая ответственность, и вскоре им потребовался общий кодекс поведения. Как врачи не соперничают друг с другом из соображений профессиональной этики, а нарушившие правила юристы предстают перед судом чести, так и воинам понадобился критерий, по которому можно было бы осудить совершившего проступок.

Честный бой! В этих словах, ассоциирующихся у нас с жесткостью и варварством, кроются плодородные семена нравственности. Не в них ли корень всех воинских и гражданских добродетелей? Желание британского мальчишки Тома Брауна «оставить после себя репутацию парня, который никогда не трусил перед большими и не обижал маленьких» вызывает у нас улыбку, словно бы мы его переросли. Но всякому ясно, что это желание — фундамент величественных сооружений подлинной нравственности. Именно на нем стоит величие Англии. Кроме того, осмелюсь заметить, что оно полностью согласуется с заповедями самой кроткой и миролюбивой религии. Как мы вскоре обнаружим, тот фундамент, на котором стоит бусидо, ничуть не менее прочен. Квакеры справедливо утверждают, что любая война, как наступательная, так и оборонительная, — жестока и порочна по своей сути, но даже признавая их правоту, согласимся с Лессингом: мы «знаем, из каких пороков добродетель вырастает». Джон Рескин был известен своими кротостью и миролюбием. Но даже он верил в необходимость войны с пылом истинного воина. В «Венце из дикой маслины» он пишет: «Говоря, что война есть фундамент всякого искусства, я подразумеваю, что она также и основа всех человеческих добродетелей».